

II.

Постановка минныхъ загражденій у Гуры-Яломницы.

Не прошло и двухъ недѣль со времени взрыва турецкаго броненосца «Хивзи-Рахманъ», какъ мы снова видимъ героевъ—моряковъ за работой, снова снующими вверхъ и внизъ по Дунаю на своихъ крошечныхъ катерахъ. Бывало, появится такая шлюпка на Дунаѣ, прибрежные казаки ужъ знаютъ, что моряки затѣваютъ какую-нибудь новую штуку и всѣми средствами стараются помочь имъ. Они чувствуютъ, что вся сила теперь въ морякахъ, что, со времени появленія ихъ на Дунаѣ, они полные хозяева его. Что подѣлаешь безъ моряковъ съ броненосцами? Сколько хочешь пали изъ ружей, а онъ себѣ идетъ и вниманія не обращаетъ на выстрѣлы. Для его толстой брони пули—что мухи—только надѣдаются. Совсѣмъ другое дѣло—миноносная шлюпка. Мала штука, а зло кусается; боятся ее, какъ слонъ мыши, турецкіе броненосцы... Скоро таинственная сила этихъ малютокъ сдѣлалась очевидна для всѣхъ. Турки—трепетали, завидѣвъ ихъ, наши—радовались и толпами сбѣгались къ берегу встрѣчать дорогую гостью, когда какая-нибудь изъ нихъ имѣла намѣреніе причалить. Начинаются разспросы: «что и какъ, гдѣ были, что видѣли?» Усталые моряки еле поспѣваютъ отвѣтить, а тутъ, смотришь, время идетъ, опять пора въ путь, опять нырнули въ свои лодки и только узкая полоса чернаго дыма, да расходящіяся струйки

воды остаются позади. «Счастливаго пути вамъ!» — слышится вслѣдъ съ берега и долго еще потомъ безмолвная толпа зрителей смотрить на синія волны Дуная, стараясь уловить на нихъ исчезающихъ вдали моряковъ...

Главная задача моряковъ теперь — постановка минныхъ загражденій. Задача трудная, но, послѣ 14-го мая, легче исполнимая, ибо турки, напуганные взрывомъ, не рѣшались уже очень далеко отходить отъ своихъ крѣпостей и, следовательно, можно было думать, не помѣшаютъ нашимъ работамъ. Мѣстомъ для постановки минныхъ загражденій была избрана та часть Дуная, насупротивъ турецкаго города Гирсова, гдѣ рѣка развѣтвляется на нѣсколько, различной ширины, рукавовъ, раздѣленныхъ между собой болотистыми островами и у турецкаго берега образуетъ широкое водное пространство, известное подъ именемъ *Мачинскаго* рукава. Двѣ турецкія крѣпости *Гирсово* и *Мачинъ* охраняютъ эту часть Дуная: одна — сверху, другая — снизу рѣки и служатъ хорошимъ убѣжищемъ для плавающихъ здѣсь броненосцевъ. Не задолго до описываемыхъ событий, Мачинскій рукавъ былъ уже загороженъ минами снизу у города Мачина, а 22-го мая, состоящей при Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля *) получилъ отъ Его Высочества прика-

---

*) Капитанъ 1-го ранга Иванъ Григорьевичъ Рогуля, изъ дворянъ Таврической губерніи. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда, въ 1855 году, поступилъ на службу въ Балтійскій флотъ. Въ 1858 г. былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи на корветѣ «Рында». Опытный морякъ и искусный руководитель подвѣдомственной флотиліи, исполнявшей различные порученія.

заніе заградить его сверху, у Гирсова. Моряки тотчасъ же принялись за составленіе подходящей флотиліи, и къ вечеру, 25-го мая, у города Браилова собрались:

1) Румынская лодка «Фульджеро», подъ командой лейтенанта Дубасова; на ней: мичманъ Федоровъ, докторъ Поплавскій, механикъ—подпоручикъ Синебрюховъ и 30 человѣкъ матросовъ.

2) Катеръ «Царевичъ», подъ командой лейтенанта Шестакова; на немъ: мичманъ Феодосіевъ и 16 человѣкъ матросовъ.

3) Катеръ «Ксенія» — мичманъ Персинь и 16 человѣкъ матросовъ.

4) Катеръ «Джигитъ» — мичманъ Баль и 10 человѣкъ матросовъ.

5) Пароходъ «Загражденіе», подъ командой лейтенанта Туркула; на немъ: мичманъ Аркасъ, механикъ—подпоручикъ Огладинъ, румынской морской службы маіоръ Муржеско и 12 человѣкъ матросовъ. Пароходъ этотъ служилъ, главнымъ образомъ, для склада на немъ минъ и велъ на буксирѣ четыре минные баркаса, съ пятью матросами на каждомъ, подъ командой лейтенанта Петрова.

Съ разсвѣтомъ, 26-го мая, флотилія тронулась вверхъ по Дунаю, а часовъ около 9-ти утра, моряки замѣтили два дыма отъ турецкихъ броненосцевъ, шедшихъ имъ на встрѣчу, но по другому руслу рѣки. Опасаясь, чтобы эти броненосцы не отрѣзали имъ путь отъ Браилова, моряки заложили въ началѣ рукава, по которому шли броненосцы, мины. Эта работа потребовала часа три времени, такъ что только въ полдень моряки могли продолжать путь далѣе, къ главной цѣли

воды остаются позади. «Счастливаго пути вамъ!» — слышится вслѣдъ съ берега и долго еще потомъ безмолвная толпа зрителей смотрить на синія волны Дуная, стараясь уловить на нихъ исчезающихъ вдали моряковъ...

Главная задача моряковъ теперь—постановка минныхъ загражденій. Задача трудная, но, послѣ 14-го мая, легче исполнимая, ибо турки, напуганные взрывомъ, не рѣшались уже очень далеко отходить отъ своихъ крѣпостей и, слѣдовательно, можно было думать, не помѣшаютъ нашимъ работамъ. Мѣстомъ для постановки минныхъ загражденій была избрана та часть Дуная, насупротивъ турецкаго города Гирсова, гдѣ рѣка развѣтвляется на нѣсколько, различной ширины, рукавовъ, раздѣленныхъ между собой болотистыми островами и у турецкаго берега образуетъ широкое водное пространство, известное подъ именемъ *Мачинскаго* рукава. Двѣ турецкія крѣпости *Гирсово* и *Мачинъ* охраняютъ эту часть Дуная: одна—сверху, другая—снизу рѣки и служатъ хорошимъ убѣжищемъ для плавающихъ здѣсь броненосцевъ. Не задолго до описываемыхъ событій, Мачинскій рукавъ былъ уже загороженъ минами снизу у города Мачина, а 22-го мая, состоящей при Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля *) получилъ отъ Его Высочества прика-

---

*) Капитанъ 1-го ранга Иванъ Григорьевичъ Рогуля, изъ дворянъ Таврической губерніи. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда, въ 1855 году, поступилъ на службу въ Балтійскій флотъ. Въ 1858 г. былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи на корветѣ «Рында». Опытный морякъ и искусный руководитель подвѣдомственной флотиліи, исполнявшей различные порученія.

заніе заградить его сверху, у Гирсова. Моряки тотчасъ же принялись за составленіе подходящей флотиліи, и къ вечеру, 25-го мая, у города Браилова собрались:

1) Румынская лодка «Фульджеро», подъ командой лейтенанта Дубасова; на ней: мичманъ Федоровъ, докторъ Поплавскій, механикъ—подпоручикъ Синебрюховъ и 30 человѣкъ матросовъ.

2) Катеръ «Царевичъ», подъ командой лейтенанта Шестакова; на немъ: мичманъ Феодосіевъ и 16 человѣкъ матросовъ.

3) Катеръ «Ксенія» — мичманъ Персинъ и 16 человѣкъ матросовъ.

4) Катеръ «Джигитъ» — мичманъ Баль и 10 человѣкъ матросовъ.

5) Пароходъ «Загражденіе», подъ командой лейтенанта Туркула; на немъ: мичманъ Аркасъ, механикъ—подпоручикъ Огладинъ, румынскай морской службы маіоръ Муржеско и 12 человѣкъ матросовъ. Пароходъ этотъ служилъ, главнымъ образомъ, для склада на немъ минъ и велъ на буксирѣ четыре минные баркаса, съ пятью матросами на каждомъ, подъ командой лейтенанта Петрова.

Съ разсвѣтомъ, 26-го мая, флотилія тронулась вверхъ по Дунаю, а часовъ около 9-ти утра, моряки замѣтили два дыма отъ турецкихъ броненосцевъ, шедшихъ имъ на встрѣчу, но по другому руслу рѣки. Опасаясь, чтобы эти броненосцы не отрѣзали имъ путь отъ Браилова, моряки заложили въ началѣ рукава, по которому шли броненосцы, мины. Эта работа потребовала часа три времени, такъ что только въ полдень моряки могли продолжать путь далѣе, къ главной цѣли

своей экспедици. Тутъ имъ на встрѣчу попались два сотника казачьяго № 29-го полка—Лодочниковъ и Сержияковъ, которые рассказали, что у города Гирсова, откуда они прибыли, часовъ въ 9 утра показались два непріятельскіе парохода и начали ходить вверхъ и внизъ по рѣкѣ, желая, вѣроятно, попасть къ Гирсову. Наши стрѣлковыя цѣпи, стоявшія у деревни Гуры-Яломницы, открыли по нимъ огонь, но въ это же время, какъ бы для прикрытия пароходовъ, изъ подъ непріятельского берега вышли три броненосца и, прикрываясь лѣсистымъ островомъ отъ нашихъ батарей, начали стрѣлять по деревнѣ. Пароходы быстро направились къ Гирсову; но лишь только миновали лѣсистый островъ, до поры до времени защищавшій ихъ отъ взоровъ и выстрѣловъ нашей береговой батареи, какъ, въ свою очередь, подверглись обстрѣливанію, при чмъ одна граната попала въ, шедшую на буксирѣ, лодку и пустила ее ко дну со всѣми находившимися на ней людьми. Часовъ въ 10 канонада прекратилась.

Былъ уже вечеръ, когда флотилія капитана Рогули достигла деревни Гуры-Яломницы и расположилась здѣсь на ночлегъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день хорошенько осмотрѣть рѣку и уже окончательно избрать мѣсто постановки минъ.

27-го мая, чутъ стало свѣтать, лодка «Фульджеро», катера «Царевичъ» и «Ксения» вышли изъ подъ Гуры-Яломницы. День обѣщалъ быть хорошимъ; сквозь полу-прозрачный слой утреннихъ испареній, низко лежавшихъ надъ водой, можно было видѣть противуположній, крутой непріятельскій берегъ, городъ Гирсово и стоявшіе у города турецкія суда. Ихъ было пять.

Все старые знакомые, про которыхъ рассказывали вчера морякамъ сотники Лодочниковъ и Сережняковъ. Завидя наши лодки, всѣ они начали усиливать пары, а одинъ броненосецъ, вѣроятно изъ самыхъ храбрыхъ, отважился даже отдѣлиться отъ остальныхъ судовъ и началъ спускаться внизъ по рѣкѣ.

«Ишь, какой прыткій: на насъ идетъ!»—подумали на катерахъ и, не успѣль броненосецъ окончательно избрать направленіе, какъ изъ носового орудія лодки «Фульджеро» раздался выстрѣлъ, а катера смѣло пошли ему на встрѣчу.

Выстрѣлъ далеко разнесся по рѣкѣ, отозвался нѣсколько разъ въ прибрежныхъ возвышеностяхъ; просвистѣло надъ водою ядро и бухнуло гдѣ-то въ рѣку...

Все на минуту стихло и только шипѣніе машинъ, да легкій плескъ воды, разбивавшейся о носовые части катеровъ, слышался надъ рѣкой... Рѣшительное наступленіе нашихъ катеровъ произвело на турокъ удручающее впечатлѣніе. Помня трагическую кончину «Хизи-Рахмана», броненосецъ быстро повернулъ обратно къ Гирсову. Моряки—за нимъ, имѣя въ виду, если и не атаковать уходящаго врага, то, по крайности, опредѣлить направленіе и дальность выстрѣловъ съ гирсовскихъ береговыхъ батарей и, такимъ образомъ, убѣдиться лично, на сколько этотъ огонь можетъ препятствовать нашимъ работамъ. Скоро, дѣйствительно, на возвышеностяхъ, лѣвѣ города, взвился большой клубъ порохового дыма. Ядро пролетѣло; дымъ началъ расползаться по берегу. Но вотъ, опять блестнулъ огонь, опять на томъ же самомъ мѣстѣ появился клубъ дыма. Ядро не долетѣло.

— Теперь навѣрняка въ насъ угодять! — заговорили моряки, ожидая третьяго, болѣе удачнаго выстрѣла.

Минуты черезъ двѣ, въ самомъ дѣлѣ, раздался выстрѣлъ, за нимъ тотчасъ же другой и обѣ гранаты шлепнулись саженяхъ въ 20-ти отъ флотиліи.

Опредѣливъ такимъ образомъ все, что было нужно, моряки направились обратно къ Гуры-Яломницѣ, гдѣ ихъ ожидали капитанъ Рогуля и маіоръ Муржеско, успѣвшіе, тѣмъ временемъ, изслѣдовать устье рѣки Яломницы и этимъ закончившіе обзоръ избраннаго мѣста.

Въ 2 часа дня, того же числа, вся флотилія полностью отчалила снова отъ берега для постановки загражденій въ главномъ руслѣ Дуная. Впереди всѣхъ, для охраны работъ отъ броненосцевъ, стала лодка «Фульджеро». Моряки на катерахъ живо принялись за дѣло. Миньбыстро, привычными руками, погружались одна за другой въ рѣку. Броненосцы не показывались, но весь противуположный турецкій берегъ, до котораго было версты двѣ, покрылся громадной толпой, тысячи въ три, солдатъ, вышедшихъ изъ лагерей посмотреть на работы. Зрители эти толпились на брустверахъ и между батареями, и, повидимому, не имѣли ни малѣйшаго желанія помѣшать работамъ.

Такъ прошло часовъ шесть усиленной работы. Вечерѣло, когда, наконецъ, послѣдняя мина опустилась въ Дунай и непроницаемой страшной преградой заперла его русло. Часть дѣла была сдѣлана. Оставалось продолжать то же самое въ ближайшемъ къ турецкому берегу Мачинскомъ рукавѣ Дуная, что, однако, за на-

ступлениемъ темноты, пришлось отложить до другого дня.

На нашемъ берегу, возвращавшихся къ нему моряковъ ждала огромная толпа солдатъ и офицеровъ ближайшихъ частей; всѣ они были свидѣтелями того поразительного хладнокровія и умѣнья, съ которыми исполнялась крайне трудная и опасная работа моряками. Громкое, единодушное «ура», лучше всякихъ словъ, сказали морякамъ, какъ цѣнятся ихъ заслуги въ арміи.

Спустилась ночь и чернымъ покровомъ задернула рѣку. Турецкій берегъ какъ бы утонулъ въ ней, а вмѣстѣ съ нимъ погрузились туда же и городъ, и вражескій станъ со своими бѣлыми остроконечными палатками, и темныя дула стальныхъ орудій... Полночь. Все будто умерло кругомъ, или притаилось въ ночномъ мракѣ, боясь нарушить торжественную тишину южной, роскошной ночи. Но въ этой наступившей тишинѣ, въ этомъ непроницаемомъ мракѣ чувствуется присутствіе живыхъ людей, для которыхъ и ночь не служить отдохновеніемъ. Это — передовые посты. На нихъ тихо, но не мертво. Бдительный глазъ часоваго зорко всматривается въ черную поверхность Дуная, привычное ухо чутко вслушивается въ малѣйшій подозрительный шорохъ. Набѣжитъ-ли вѣтерокъ и зашелеститъ жесткими листьями камыша, плеснется-ли рыба — часовой встрепенется и крѣпче сожметъ въ рукѣ — своего друга, винтовку. Ночью, на аванпостахъ, всякий пустякъ способенъ произвести беспокойство; и сколько перечувствуетъ часовой прежде, чѣмъ дождется разсвѣта! Но вотъ, короткая весенняя ночь проходитъ. Мракъ

разсѣвается, на востокѣ появляется розовая полоска утренней зари. До восхода солнца еще далеко, а ужъ на бивуакахъ закипаетъ обычная жизнь. Проснулся богатырь-казакъ, сладко проспавшій ночь въ стогѣ душистаго сѣна и, быть можетъ, побывавшій во снѣ далеко-далеко отъ этихъ мѣстъ. Проснулся пѣхотинецъ, проснулся артиллеристъ, проснулся и морякъ, и каждый изъ нихъ спѣшилъ къ своему дѣлу. На флотиліи, ночевавшей у Гуры-Яломницы, замѣтно оживленіе: пары подняты, команды на мѣстахъ. Все и всѣ готовы, чтобы двинуться въ путь по первому приказанію.

Вотъ, отвалили отъ берега лейтенантъ Дубасовъ — на лодкѣ «Фульджеро» и лейтенантъ Шестаковъ — на катерѣ «Царевичъ». Имъ дано порученіе осмотрѣть Мачинскій рукавъ: не произошло-ли въ немъ какихъ-либо перемѣнъ за ночь, не высадился-ли непріятель на одномъ изъ ближайшихъ острововъ, не притаился-ли гдѣ-нибудь въ засадѣ броненосецъ, могущій помѣшать работамъ. Моряки идутъ впередъ тихо, осторожно. Внимательно осматриваютъ каждый подозрительный уголокъ рѣки, каждый островъ. Ничего не видать. Идутъ далѣе. Вотъ уже и Мачинскій рукавъ близко, уже и посвѣтлѣло стало. Всматриваются вдали — чернѣеть что-то. «Э! да это, никакъ, ихъ шлюпки!» — быстро соображаютъ моряки. И, дѣйствительно; еще немного и въ плавняхъ Мачинскаго рукава ясно обозначаются двѣ непріятельскія шлюпки, наполненные стрѣлками. Лодка «Фульджеро» остановилась и открыла по нимъ огонь картечью, настолько удачный, что послѣ трехъ выстрѣловъ на шлюпкахъ произошелъ сначала переполохъ, а затѣмъ всѣ они поспѣшно направились къ своему берегу.